

Научная статья
УДК 343.27
doi: 10.17223/15617793/477/27

Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран

Дмитрий Борисович Лаптев¹, Андрей Александрович Федоров^{1,3}

¹Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск, Россия

²lapa612@mail.ru

³andreyfedorov238@mail.ru

Аннотация. Констатируется необходимость совершенствования норм уголовного законодательства о конфискации имущества. Предлагается использование зарубежного опыта в части расширения уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц. Аргументируется необходимость изменения стандарта доказывания по делам коррупционной направленности применительно к возможности принудительного изъятия имущества, в отношении которого имеются разумные сомнения относительно легальности происхождения. Обосновывается законодательное решение по установлению открытого перечня преступлений, правовым последствием которых может выступать конфискация имущества.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, конфискация имущества, бремя доказывания, уголовная ответственность юридических лиц

Для цитирования: Лаптев Д.Б., Федоров А.А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 239–245. doi: 10.17223/15617793/477/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/27

Improvement of the institution of confiscation of property based on the experience of foreign countries

Dmitry B. Laptev¹, Andrey A. Fedorov^{1,3}

¹West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation

²lapa612@mail.ru

³andreyfedorov238@mail.ru

Abstract. The article proposes the use of foreign experience in regulating rules on confiscation of property, taking into account the identified imperfection of relevant domestic legal regulations. The potential effectiveness of expanding the scope of criminal legal influence against legal entities is justified, including by extending the possibility of implementing such a criminal legal measure as confiscation of property. As a perspective, it is proposed to implement the objective direction of the concept of corporate guilt, according to which the organization is found guilty of an offense if it is found that it had the opportunity to comply with the rules and norms for the violation of which responsibility is provided, but it has not taken all the necessary measures to comply with them. The authors conclude that there is a need to reform the institution of confiscation in terms of changing approaches to the standard of proof of the legitimacy of the origin of assets if there are reasonable grounds to believe that the assets were acquired illegally. The specificity of property confiscation should be the redistribution of the burden of proving the legality of the origin of the asset to its title owner. If the latter does not have reasonable arguments confirming the legitimacy of the sources of property acquisition, it is subject to recourse to state income. The introduction of expanded confiscation as an effective means of anti-corruption measures is consistent with progressive world practice. The importance of directing the use of foreign experience to establish an open list of crimes, as a result of which confiscation can be applied, is argued. In this respect, domestic criminal law is not well defined. Using a list approach in determining the structure of acts entailing the confiscation of property, the Russian legislator made shortcomings, because of which some more characteristic and dangerous acts were not included in this list, while acts with low public danger and dubious “confiscation potential” were. Self-serving offenses (theft, robbery, larceny), which make up about half of registered crimes, were not indicated as acts that could lead to confiscation of property. The authors conclude that it is important to establish a universal approach when any proceeds from crime are subject to seizure, rather than a specific closed list of crimes whose legal consequence may be property confiscation.

Keywords: punishment, other criminal measures, confiscation of property, burden of proof, criminal liability of legal persons

For citation: Laptev, D.B. & Fedorov, A.A. (2022) Improvement of the institution of confiscation of property based on the experience of foreign countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 239–245. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/27

Проблема назначения адекватной меры уголовно-правового воздействия лицу, совершившему общественно опасное деяние, имеет трансграничный характер. В этой связи сравнительно-правовой метод справедливо признается обладающим исключительным научным потенциалом и позволяющим выявить положительный опыт правового регулирования, достойный адаптации и отражения в национальном законодательстве [1. С. 7–11].

Ученые отмечают, что с 1990-х гг. заимствование и адаптация правового опыта зарубежных стран (в особенности европейского и американского) приобрели актуальность для всего постсоветского пространства [2. С. 166–173]. В современный период имеется тенденция конвергенции национальных правовых систем [3. С. 13–14], в силу которой взаимопроникновение опыта правового регулирования из одной страны в другую представляется естественным и отчасти необходимым способом совершенствования законодательства.

Долгое время конфискация имущества в отечественном уголовном праве была регламентирована как дополнительный вид наказания. Однако с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ [4] соответствующие нормы были признаны утратившими силу, что вошло в определенное противоречие с международными обязательствами России в части соблюдения Конвенции ООН против коррупции [5], Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [6] и др.

В этой связи 27 июля 2006 г. Федеральным законом № 153-ФЗ [7] соответствующие положения о конфискации имущества вновь получили отражение в уголовном законодательстве России, но уже в статусе иных мер уголовно-правового характера, что по сей день продолжает вызывать серьезные разногласия на страницах юридической печати [8. С. 5]. С нашей точки зрения, авторы небезосновательно указывают о наличии лишь видимости конфискации имущества как средства противодействия преступности [9. С. 61], что подкрепляется данными официальной статистики последних лет, свидетельствующих о крайне низкой востребованности норм, особенно применительно к преступлениям коррупционной направленности. Так, в 2020 г. конфискация применена в отношении 2 933 человек (менее 0,4% осужденных), при этом только за совершение преступлений коррупционной направленности было осуждено 4 012 человек [10].

В данной работе мы постараемся вычлнить положительный зарубежный опыт, позволяющий придать отечественным уголовно-правовым правовым предписаниям о конфискации имущества большую эффективность и практическую востребованность. Используя традиционную в теории права дифференциацию

англо-саксонской и романо-германской правовых семей [11. С. 18–30], включим в страноведческую выборку, во-первых, США и Великобританию, а во-вторых, Францию и ФРГ, поскольку в этих странах за последние годы накоплен достаточно интересный опыт правового регулирования отношений соответствующей тематики.

В главе 46 раздела 18 Свода Законов США предусмотрены нормы об уголовной конфискации (criminal forfeiture), под которой понимается дополнительный вид наказания, предполагающий изъятие движимого или недвижимого имущества, вовлеченного в преступление либо полученного в его результате, а также орудий и средств совершения преступления [12]. Данная мера может применяться в дополнение к таким наказаниям, как штраф, probation, тюремное заключение. Для реализации уголовной конфискации сторона обвинения должна доказать, что соответствующие активы приобретены виновным именно в результате незаконной деятельности либо взаимосвязь имущества с такой деятельностью. При этом конфискация имущества предусмотрена в качестве одного из видов наказаний, применяемых к юридическим лицам.

Возможность реализации мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц в России во многом справедливо ставится некоторыми авторами под сомнение, поскольку юридическое лицо как некая правовая фикция не может совершить преступление и, соответственно, подвергаться уголовной ответственности [13. С. 57]. Формула уголовной ответственности именно физического лица согласуется с базовыми принципами карательной деятельности, рожденными еще классической школой уголовного права [14. С. 102]. Кроме того, при рассмотрении вопроса о возможном использовании зарубежного опыта уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц важно учитывать позицию Конституционного Суда (КС) РФ, выраженную в Постановлении от 25.01.2001 № 1-П, где обозначено, что наличие вины является общим принципом юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно [15].

Применительно к данному вопросу перспективной видится реализация объективного направления концепции вины корпорации, в соответствии с которым организация признается виновной в совершении правонарушения, если будет установлено, что у нее имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, но ей не были приняты все зависящие меры по их соблюдению (Постановление КС РФ от 25.04.2011 № 6-П) [16]. Подобное понимание вины юридического

лица раскрыто в нормах административного права (ст. 2.1 КоАП РФ), где организация изначально выступает в качестве одного из субъектов состава административного правонарушения.

Безусловно, любые предложения, касающиеся распространения сферы уголовно-правового воздействия, в отношении юридических лиц будут не безупречны. Но, вместе с тем, полный отказ от учета в уголовной политике государства современных реалий вредоносной деятельности преступных корпораций, с нашей точки зрения, противоречит назревшему общественному запросу. Учеными справедливо отмечается, что преступная деятельность юридических лиц затрудняет создание здоровых основ отечественной социальной, политической и экономической жизни [17]. Соответственно, необходимо продолжение поиска компромиссных вариантов расширения потенциала применения, в том числе конфискации имущества применительно к преступным корпорациям. Однако подобные законодательные решения будут эффективны лишь в сочетании с изменениями стандартов доказывания и корректировки перечня имущества, подлежащего безвозмездному изъятию в пользу государства, о чем соответствующие выводы будут сделаны ниже.

Помимо уголовной американское законодательство предусматривает гражданско-правовую конфискацию, в том числе применяемую в отношении вещи (*in rem*). Спецификой гражданско-правовой конфискации является перераспределение бремени доказывания законности владения имуществом от государства к лицу, в отношении которого есть подозрения в совершении противоправного деяния. В ситуациях, когда лицо не предоставляет убедительных доказательств законного приобретения собственности, имущество конфискуется государством. Возможность использования гражданско-правовой конфискации предусмотрена при нарушениях законодательства об «отмывании» денег, в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, незаконной банковской деятельности и др. Считаем, что подобные подходы к распределению бремени доказывания законности происхождения активов могут быть использованы отечественным законодателем при совершенствовании норм УК РФ о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений коррупционного характера.

Нормы о конфискации имущества в Великобритании закреплены в различных правовых актах и предполагают реализацию данной меры, в том числе, в отношении следующего имущества:

- 1) доходы свыше 10 000 фунтов стерлингов, полученные в результате незаконной деятельности (Закон об уголовном правосудии 1988 г.);
- 2) активы, связанные с финансированием террористической деятельности (Закон о терроризме 2000 г.);
- 3) активы, связанные с торговлей и перевозкой запрещенных наркотических веществ (Закон о торговле наркотиками 1994 г.) и др. [18. С. 296]

Примечательно, что в Великобритании, как и в США, также предусмотрен такой инструмент изъ-

ятия в пользу государства преступных доходов, как конфискация *in rem*. Данный вид конфискации предполагает предъявление гражданско-правового иска не к лицу, совершившему преступление, а к имуществу. При этом, как и в упомянутых выше американских нормах, спецификой реализации данной меры выступает перераспределение бремени доказывания законности происхождения актива на его титульного владельца. В случае отсутствия у последнего разумных аргументов, подтверждающих легитимность источников приобретения имущества, оно обращается в доход государства.

Согласимся с авторами, утверждающими, что подобный недооцененный отечественными юристами цивилистический инструментарий является наиболее эффективным средством в противодействии корыстной, в том числе коррупционной преступности [19. С. 52]. Так, профессор В.А. Уткин в рамках анализа целесообразности реформирования системы уголовных наказаний отмечает перспективность введения в отечественное уголовное законодательство института конфискации *in rem* [20. С. 129]. Профессор А.А. Арямов справедливо предлагает рассматривать данный вид конфискации в качестве одной из альтернативных форм решения уголовно-правового конфликта [21. С. 26]. Однако, учитывая заданные рамки нашего исследования, направленного на изучение мер непосредственно уголовно-правового характера, мы вынуждены ограничиться выводом о перспективности использования российским законодателем при модернизации УК РФ лишь отдельных принципов конфискации *in rem*.

Соответствующие принципы нашли свое отражение в британском законодательстве и при регламентации норм о так называемой расширенной конфискации (Закон о преступных доходах 2002 г.), которая занимает промежуточное положение между гражданско-правовой конфискацией *in rem* и уголовно-правовой конфискацией. Данный инструмент предполагает возможность изъятия в пользу государства имущества, нажитого «в связи с преступным поведением общего характера или преступным образом жизни» (*criminal lifestyle*). При этом стандарт доказывания в механизме реализации данной меры не требует установления связи между получением выгоды и конкретным преступлением [22. С. 80]. Расширенная конфискация применяется судьей путем вынесения приказа, основанного на презумпции, что все доходы, полученные субъектом в период антисоциального образа жизни, являются криминальными и подлежащими конфискации [23. С. 70]. Лицо, в отношении которого реализуется данная мера, в целях уменьшения размера имущества, подлежащего конфискации, вправе приводить доводы в пользу того, что вся либо какая-то часть активов, приобретенных в определенный период, имеет законный источник происхождения, что, с нашей точки зрения, справедливо.

Переходя к рассмотрению законодательства стран романо-германской семьи, необходимо отметить, что в Уголовном уложении (УУ) ФРГ установлен открытый перечень преступлений для реализации конфискации.

Так, если исполнитель или участник приобрёл что-либо посредством совершения противоправного деяния или за совершение этого деяния, то суд назначает конфискацию приобретённого (§ 73 УУ ФРГ) [24].

Российский же законодатель ограничил сферу реализации конфискации преступлений лишь отдельными составами преступлений, что, с нашей точки зрения, сомнительно.

Во-первых, конфискация имущества назначается за совершение наиболее тяжких преступлений против личности (убийство при отягчающих обстоятельствах, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека). При этом, например, законодатель допускает назначение конфискации по ч. 2 ст. 126 УК РФ (видимо, исходя из признака корыстных побуждений, который, собственно, может являться катализатором, получения виновным материальной выгоды, подлежащей конфискации), а по ч. 3 – более тяжкой, включающей совершение преступления организованной группой (в том числе при возможном наличии таких же корыстных побуждений), – не предусматривает. В данном случае очевидно, что похищения людей ради наживы, совершенные организованными преступными группами, не являются редкостью.

Во-вторых, в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ предусмотрено назначение конфискации имущества по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (например, ст. 171.1–171.4 УК РФ). В данном случае создается дисбаланс следующего содержания. Как известно, ст. 76.1 УК РФ допускает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба на указанных в ней условиях. Перечень статей УК РФ, на которые это правило распространяется, согласован со ст. 104.1 УК РФ не полностью. Например, преступление, предусмотренное ст. 171.1 УК РФ, может влечь за собой назначение наказания и конфискацию имущества, а может – применение привилегированной нормы ст. 76.1 УК РФ. В первом случае осужденный лишается всего имущества, обращаемого в доход государства, отбывает наказание и претерпевает уголовно-правовые последствия судимости, а во втором – только выплачивает предусмотренную законом сумму в федеральный бюджет. В данной части, полагаем, что законодателем не вполне взвешенно спрогнозирована потенциальная эффективность правовых предписаний.

Далее можно отметить, что характер и степень общественной опасности некоторых деяний, влекущих конфискацию имущества, значительно уступают аналогичным параметрам преступлений, таких последствий не влекущих. Например, преступление небольшой тяжести – незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171.4 УК РФ) – указано в перечне деяний, влекущих конфискацию имущества. Совершается это преступление, как правило, продавцами магазинов, не имеющих разрешение на реализацию такой продукции. Потребность конфискации имущества в этом случае (и при достаточно распространенном явлении, когда в материалах уголовного дела фигурирует сум-

ма продажи, исчисляемая несколькими сотнями рублей [25]) весьма сомнительна. При этом на основе изученных нами материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 171.4 УК РФ, не выявлено ни одного случая назначения конфискации имущества, причем в приговорах судов по этим делам целесообразность (или возможность) ее назначения даже не обсуждалась.

В-третьих, конфискация имущества может быть применена по делам о преступлениях коррупционной направленности (при осуждении по ст. 201.1, 204, 285, 285.4, 290 УК РФ). Отметим, что из данного перечня «выпал» целый ряд коррупционных проявлений (в том числе, посредничество во взяточничестве или в коммерческом подкупе), а сам он – гораздо уже, нежели приведенный в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции». Обусловленность подобного законодательного решения не может не вызывать вопросов.

В-пятых, конфискация имущества предусмотрена в отношении денег и ценностей, полученных в результате совершения преступлений против общественной безопасности (в том числе преступлений террористической направленности, преступлений против общественной нравственности и здоровья населения). Это закономерное решение, поскольку для посягательств данного вида характерна максимально высокая общественная опасность, и противодействию им государство придает приоритетное значение. Однако возникает вопрос о причинах отсутствия в перечне соответствующих преступлений ст. 234.1 УК РФ, тогда как незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ является сверхдоходным криминальным бизнесом, распространенным на всей территории России [26. С. 30–34].

В-шестых, конфискацию имущества влечет совершение преступлений против государственной власти. Однако некоторый дисбаланс может быть выявлен и здесь: например, вполне логично применять конфискацию по делам о государственной измене или шпионаже, но достаточно сомнительно – по делам о даче ложных показаний. Как представляется, применение этой меры уголовно-правового характера, возможно, будет оправдано при установлении корыстных побуждений, о чем законодатель сделал оговорку применительно к другим преступлениям.

В этой связи можно заключить, что, используя перечневый подход при определении структуры деяний, влекущих за собой конфискацию имущества, законодатель допустил недочеты, из-за чего некоторые более характерные и опасные деяния в этот перечень не попали, а деяния с низкой общественной опасностью и сомнительным «конфискационным потенциалом» оказались в нем.

«Традиционные» посягательства корыстной направленности, составляющие около половины структуры зарегистрированной преступности (кража, грабеж, разбой), в такой перечень не попали, хотя и в советском законодательстве, и в соответствии с нормами о конфискации имущества, включенными в первую редакцию УК РФ, конфискация имущества за их совершение

предусматривалась. В целом соглашаясь с тем, что это произошло в связи с отсутствием в большинстве случаев возможности реального обращения имущества в собственность государства [27. С. 28–32], и с тем, что в подобных ситуациях приоритетным должно быть возмещение ущерба потерпевшему [28. С. 10–15], отметим, что принцип целесообразности в структуре конфискации имущества выдержан не до конца.

Соответственно, считаем перспективным использование зарубежного опыта, в соответствии с которым важность представляет закрепление не конкретного закрытого перечня преступлений, правовым последствием которых может быть конфискация, а универсального подхода, когда изъятию подлежат любые доходы от преступной деятельности.

Следует положительно также оценить немецкий опыт применения расширенной конфискации, предполагающий назначение рассматриваемой меры даже в том случае, когда денежные средства и предметы получены виновным в результате других противоправных деяний, не являющихся предметом публичного обвинения (§ 73а УУ ФРГ). Данный вид конфискации применяется при совершении тяжких деяний в составе организованных преступных групп. Безусловно, подобные правила в какой-то степени ставят под сомнение реализацию принципа *in dubio pro geo* (при наличии сомнений дело решается в пользу подсудимого), но являются оправданными инструментами противодействия организованной преступности, в том числе, коррупционного характера. Наличие судейского усмотрения в целом неизбежно при реализации уголовно-правовых норм, что, как представляется, распространяемо и в отношении оценки происхождения имущественных активов, подлежащих расширенной конфискации.

Конфискация имущества в УК Франции предусмотрена в качестве наказания. При этом данная уголовно-правовая мера имеет два варианта реализации: 1) общая конфискация (полная либо частичная), применяемая в отношении имущества преступника, не связанного с совершением конкретного преступления, при совершении преступлений против человечества и

ряда преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; 2) специальная конфискация, которая связана с изъятием имущества, служившим совершению общественно опасного деяния, либо полученного в результате преступного деяния. Примечательно, что в перечень имущества, подлежащего конфискации, включены, в том числе, животные, в отношении либо с помощью которых было совершено посягательство (ст. 131-39 УК Франции) [29].

Аналогично нашим выводам, касающимся немецкого опыта, следует положительно оценить положения ст. 131.21 УК Франции, не ограничивающие возможность реализации конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, отдельными составами. Кроме того, в УК Франции, как и во всех исследованных выше законодательствах, предусмотрена возможность применения конфискации в отношении юридических лиц, которые признаются субъектами уголовной ответственности, на что, как мы отмечали выше, российскому законодателю стоит обратить внимание.

Таким образом, считаем возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, эффективным представляется использование зарубежного опыта в части расширения сферы уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, в том числе путем распространения возможности реализации иной меры уголовно-правового характера – конфискации имущества.

Во-вторых, считаем верным реформирование института конфискации в части изменения подходов к стандарту доказывания легитимности происхождения активов, в отношении которых есть разумные основания считать, что они приобретены незаконным путем. Внедрение расширенной конфискации как эффективного средства антикоррупционного противодействия соответствует прогрессивной мировой практике.

В-третьих, важным направлением использования зарубежного опыта является установление открытого перечня преступлений, в результате совершения которых может применяться конфискация.

Список источников

1. Егоров А.В. Теория сравнительного правоведения. М.: Проспект, 2018.
2. Немытина М.В. Сравнительно-правовые исследования и типология правовой культуры // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 166–173.
3. Безбородов Ю.С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции. М.: Проспект, 2018.
4. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу законодательных актов РСФСР: Федеральный закон от 08.12.2003 № 169-ФЗ // Российская газета. 2003. № 3366.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 12.01.2022).
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 12.01.2022).
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ // Российская газета. 2006. № 4131.
8. Шеломенцев В.Н., Горохова С.С. Вопросы конфискации имущества, используемого или предназначенного для финансирования экстремистской деятельности // Адвокат. 2015. № 7.
9. Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. № 3.
10. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2020 г.: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 31.10.2021).

11. Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 18–30.
12. U.S. Code. Title 18. Criminal and Criminal Procedure // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3563> (дата обращения: 22.08.2019).
13. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. 2006. № 4.
14. Бытко Ю.И. Понятие и содержание вины юридических лиц в уголовном праве // Современное право. 2018. № 6. С. 102–108.
15. Постановление КС РФ от 25.01.2001 № 7-П // СПС «КонсультантПлюс»
16. Постановление КС РФ от 25.04.2011 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс»
17. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. 10 дек.
18. Докучаев А.И., Волеводз А.Г. Регулирование возврата преступных активов по праву Англии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4 (33). С. 282–297.
19. Арямов А.А., Руева Е.О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 3. С. 52–55.
20. Уткин, В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–130.
21. Арямов А.А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: новые направления развития // Российский следователь. 2015. № 23
22. Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 78–86.
23. Арямов А.А., Руева Е.О. Конфискационный ресурс антикоррупционной политики: гибридные частно-публичные формы (опыт Великобритании) // Российский следователь. 2020. № 2. С. 69–72.
24. Уголовное уложение Федеративной Республики Германии // Потсдамский портал публикации. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lsh-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
25. Уголовное дело № 1-170/2018 // Архив Карталинского городского суда Челябинской области.
26. Шалагин А.Е., Усманов И.М. Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 30–34.
27. Векленко С.В., Карпов К.Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 28–32.
28. Пудовочкин Ю.Е. Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм // Вестник Института: Преступление. Наказание. Исправление. 2009. № 1. С. 10–15.
29. Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 году; Вступил в силу с 1 марта 1994 года. URL: <http://law.edu.ru> (дата обращения: 31.10.2022).

References

1. Egorov, A.V. (2018) *Teoriya sravnitel'nogo pravovedeniya* [Theory of Comparative Jurisprudence]. Moscow: Prospekt.
2. Nemytina, M.V. (2013) Comparative legal studies and legal culture typology. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 4. pp. 166–173. (In Russian).
3. Bezborodov, Yu.S. (2018) *Mezhdunarodno-pravovye metody i formy pravovoy konvergentsii* [International Legal Methods and Forms of Legal Convergence]. Moscow: Prospekt.
4. Rossiyskaya gazeta. (2003) O vnesenii izmeneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii, a takzhe o priznanii utrativshimi silu zakonodatel'nykh aktov RSFSR: Federal'nyy zakon ot 08.12.2003 № 169-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, as well as on the Invalidation of legislative Acts of the RSFSR: Federal Law No. 169-FZ of December 08, 2003]. *Rossiyskaya gazeta*. 3366.
5. The United Nations. (2003) *Konventsia Organizatsii Ob "edinennykh Natsiy protiv korruptsii: Prinyata rezolyutsiyei 58/4 General'noy Assamblei ot 31 oktyabrya 2003 goda* [United Nations Convention against Corruption: Adopted by General Assembly resolution 58/4 of October 31, 2003]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (Accessed: 12.01.2022).
6. The United Nations. (2000) *Konventsia Organizatsii Ob "edinennykh Natsiy protiv transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti: Prinyata rezolyutsiyei 55/25 General'noy Assamblei ot 15 noyabrya 2000 goda* [United Nations Convention against Transnational Organized Crime: Adopted by General Assembly resolution 55/25 of November 15, 2000]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (Accessed: 12.01.2022).
7. Rossiyskaya gazeta. (2006) O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O ratifikatsii Konventsii Soveta Evropy o preduprezhdenii terrorizma" i Federal'nogo zakona "O protivodeystvii terrorizmu": Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 153-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism" and the Federal Law "On Countering Terrorism": Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006]. *Rossiyskaya gazeta*. 4131.
8. Shelomentsev, V.N. & Gorokhova, S.S. (2015) Issues of forfeiture of property used or intended for the financing of extremist activity. *Advokat*. 7. (In Russian).
9. Bazhukova, Zh.A. & Teterina, T.V. (2017) Revisiting the need for further improvement of the criminal justice. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 3. (In Russian).
10. Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude RF [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. (2020) *Otchet o chisle privilechennykh k ugovolnoy otvetstvennosti i vidakh ugovolnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2020 g.: Forma № 10.1* [Report on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment for 12 months of 2020: Form No. 10.1]. [Online] Available from: <http://http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (Accessed: 31.10.2021).
11. Chirkin, V.E. (2017) Global legal systems, legal families and their classification. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 18–30. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.18.30
12. Legal Information Institute. (n.d.) U.S. Code. Title 18. Criminal and Criminal Procedure. *Legal Information Institute*. [Online] Available from: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3563> (Accessed: 22.08.2019).
13. Dodonov, V. (2006) Otvetstvennost' yuridicheskikh lits v sovremennom ugovolnom prave [Responsibility of legal entities in modern criminal law]. *Zakonnost'*. 4 (858).
14. Bytko, Yu.I. (2018) Concept and content of the guilt of legal entities in criminal law. *Sovremennoe pravo*. 6. pp. 102–108. (In Russian).
15. Consultant Plus. (2001) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 25, 2001 No. 7-P*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
16. Consultant Plus. (2011) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2011 No. 6-P*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Zor'kin, V. (2010) Konstitutsiya protiv kriminala [Constitution against crime]. *Rossiyskaya gazeta*. 10 December.

18. Dokuchaev, A.I. & Volevodz, A.G. (2017) Regulation of return of criminal assets under the laws of England. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*. 4 (33). pp. 282–297. (In Russian).
19. Aryamov, A.A. & Rueva, E.O. (2017) Issues of application of property confiscation institution as an anti-corruption method. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 3. pp. 52–55. (In Russian).
20. Utkin, V.A. (2011) Grounds and ways of the system of punishment modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 127–130. (In Russian).
21. Aryamov, A.A. (2015) Alternative forms of settlement of the criminal law conflict: new trends of development. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 23. (In Russian).
22. Golovanova, N.A. (2015) Confiscation as necessary response to acquisitive crime. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 7 (223). pp. 78–86. (In Russian). DOI: 10.12737/11754
23. Aryamov, A.A. & Rueva, E.O. (2020) The confiscatory resource of the anti-corruption policy: hybrid private public forms (experience of Great Britain). *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2. pp. 69–72. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3783-2020-2-69-72
24. Golovnenkov, P.V. (2021) *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy Respubliki Germanii* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. [Online] Available from: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (Accessed: 12.01.2022).
25. Arkhiv Kartalinskogo gorodskogo suda Chelyabinskoy oblasti [Archive of the Kartaly City Court of the Chelyabinsk region]. *Criminal case No. 1-170/2018*. (In Russian).
26. Shalagin, A.E. & Usmanov, I.M. (2016) Sovremennaya narkosituatsiya v Rossiyskoy Federatsii: tendentsii, prognoz, mery protivodeystviya [Modern drug situation in the Russian Federation: trends, forecast, counteraction measures]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 1 (23). pp. 30–34.
27. Veklenko, S.V. & Karpov, K.N. (2010) Confiscation of property contradictions of legislation. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*. 1. pp. 28–32. (In Russian).
28. Pudovochkin, Yu.E. (2009) Konfiskatsiya imushchestva: tolkovanie i primeneniye ugovovno-pravovykh norm [Confiscation of property: interpretation and application of criminal law norms]. *Vestnik Instituta: Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie*. 6. pp. 10–15.
29. Federal'nyy pravovoy portal "Yuridicheskaya Rossiya" [Federal Legal Portal "Legal Russia"]. (1992) *The Criminal Code of France. Adopted in 1992; Entered into force on March 1, 1994*. [Online] Available from: <http://law.edu.ru> (Accessed: 31.10.2022). (In Russian).

Информация об авторах:

Лаптев Д.Б. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск, Россия). E-mail: Lapa612@mail.ru

Федоров А.А. – преподаватель кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск, Россия). E-mail: andreyfedorov238@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.B. Laptev, Cand. Sci. (Law), associate professor, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lapa612@mail.ru.

A.A. Fedorov, lecturer, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreyfedorov238@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.